

Г. А. Гребенщикова

Император Павел: к вопросу о формировании взглядов и восхождении на престол. К 270-летию со дня рождения (1754–1801)

Рубеж 1795–1796 гг. ознаменовался для Российской империи событиями большого внешнеполитического значения. В то время, когда экспедиционный корпус под начальством генерала Валериана Зубова действовал в Персии, а российские эскадры несли боевое дежурство в Северном море и оказывали военную поддержку королю Великобритании Георгу III, Россия достигла относительной стабильности на северо-западном и южном флангах в отношениях с потенциальными противниками¹. Мирные договоры со Швецией и с Турцией позволили Екатерине II приступить к осуществлению важного государственного проекта. Историки позапрошлого столетия убеждены: государыня давно задумала судьбоносный для империи акт. С этой целью она изучала «Правду воли монаршей» Феофана Прокоповича, подолгу беседовала с людьми, которым особенно доверяла, думала, размышляла и, наконец, окончательно укрепилась в своем решении. В последний год царствования Екатерины II де-юре оставался в силе Устав (Указ) Петра Великого «О наследии престола» от 5 (16) февраля 1722 г., согласно которому обычаем передачи трона государем своим прямым потомкам по мужской линии подлежал отмене. Правящий монарх получил право назначать наследника по собственной воле и усмотрению, а в случае, если он окажется неспособным выполнить высокое предназначение, то государь мог отрешить его от престола².

Летом 1796 г. весь великосветский Петербург уже открыто говорил о намерении Екатерины воспользоваться Уставом Петра, чтобы изменить порядок престолонаследия в пользу старшего внука Александра, минуя великого князя Павла Петровича. В столице даже называли дату публичного обнародования манифеста о назначении Александра наследником престола — 24 ноября, в день тезоименитства императрицы. Историк Н. К. Шильдер утверждал: важные государственные бумаги о таковой воле государыни подписали авторитетнейшие военные и гражданские лица империи: генерал-фельдмаршал граф А. В. Суворов-Рымникский, генерал-фельдмаршал граф П. А. Румянцев-Задунайский, гофмейстер двора ЕИВ граф А. А. Безбородко и митрополит Гавриил³.

В 1888 г. в Москве вышли мемуары графини Р. Эдлинг — бывшей фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны — супруги императора Александра I. На протяжении нескольких лет графиня Эдлинг оставалась близкой подругой Елизаветы и хранительницей ее личных тайн, а впоследствии оставила записки, посвященные жизни императорской семьи и самому Александру I, включая еще период его пребывания в статусе великого князя. Записки графини Эдлинг вызвали большой интерес в великосветских кругах и долгое время оставались предметом живого обсуждения в столичных гостиных. Повествование в записках разворачивалось на фоне важных исторических событий, свидетельницей которых являлась графиня, и столь ценный источник позволил глубже познать личность императора Александра I. Так, Эдлинг уверяет, что Александр крайне отрицательно отнесся к намерению Екатерины II передать престол ему, минуя Павла Петровича. Александр прямо говорил о вопиющей несправедливости государыни, о недопустимости лишать трона своего отца, а также о том, что «его умом овладевали совершенно иные помыслы, нежели те, которые готовила ему его державная бабушка». В доказательство этого высказывания графиня Эдлинг процитировала Александра: «Если верно, что хотят посягнуть на права отца моего, то я сумею уклониться от такой несправедливости. Мы с женою спасемся в Америку, будем там свободны и счастливы, и про нас больше никто не услышит». Екатерина II, узнав о таком непослушании любимого внука, крайне рассердилась на него⁴.

Н. К. Шильдер, представляя читателям словесный портрет Павла в пору его ранней юности и рассуждая о причинах эволюции его характера, повествовал: Екатерина II относилась к сыну трепетно и нежно, не упускала его из поля своего внимания, приходила к нему на занятия, радовалась его успехам. Сам же великий князь с удовольствием посещал большие дворцовые и малые Эрмитажные собрания, присутствовал на приемах и балах, куда приглашали и дипломатический корпус. Одним словом, Екатерина готовила себе достойного преемника, однако со временем у Павла усиливались холодность и недоверчивость к матери, и часто в ее присутствии он едва владел собой и сдерживал гнев. Павел, чувствуя себя вполне зрелым государственным человеком для управления обширной империей, подготовленным к вступлению на престол, долгие

годы не получал заветного трона. Это обстоятельство лишь усиливало его ненависть к матери; он все больше отдалялся от нее и стремился к уединению.

Другой автор исторических трудов о сыне Великой Екатерины — Е. С. Шумигорский, высказывался примерно в таком ракурсе: к 1790-м гг. Павел уже ничем не напоминал того прежнего любезного и хорошо воспитанного человека, которого в далеком 1773 г. восторженно живописал прусский посланник в Петербурге граф В.-Ф. фон Сольмс. Действительно, 19-летний Павел произвел тогда на представителя прусского короля Фридриха II самое благоприятное впечатление. Фон Сольмс отзывался о Павле: «Великий князь небольшого роста, черты лица его прекрасны. Прекрасно сложен, разговор и манеры его приятны. Он необыкновенно тонко образован, ласков и добронравен. В этом прекрасном создании находится прекраснейшая, честнейшая, человеколюбивейшая, великодушнейшая и в то же время чистейшая и невиннейшая душа, знающая зло только с дурной стороны»⁵. Е. С. Шумигорский подвел итог: «Отчужденное положение, оскорбительное для самолюбия цесаревича, жаждавшего деятельности и желавшего быть полезным Отечеству, вызывали в нем раздражение... Постепенно он превратился в задумчивого, угрюмого, желчно настроенного человека»⁶.

В дополнение к личной драме великого князя в 1789 г. разразилась революция во Франции, ставшая для нервного и впечатлительного Павла большим моральным потрясением. Его глубоко оскорбило грубое попрание «чернью» законности, права и порядка, действовавших на протяжении веков, — тех чувств и высокого представления о святости и незыблемости монархической власти, которые он впитал с детских лет. По воспоминаниям современников, как-то обер-шталмейстер высочайшего ЕИВ двора С. И. Муханов присутствовал при разговоре Екатерины II с сыном. Павел, заметив на ее рабочем бюро ворох иностранных газет, бегло просмотрел их и раздраженно сказал: «Что они там все толкуют? Я тотчас бы прекратил все пушками!» В ответ Екатерина произнесла: «Разве ты не понимаешь, что пушки не в состоянии воевать с идеями? Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование»⁷.

В 1791 г. Екатерина II поручила генерал-майору Петру Алексеевичу фон дер Палену выполнить в Стокгольме важную миссию — убедить шведского короля Густава III не нарушать мирных договоренностей с Россией и не возобновлять боевых действий. Сложная послевоенная обстановка в Швеции в 1790–1791 гг. в условиях еще продолжавшейся войны России с Турцией крайне заботила кабинет Екатерины II, и первоочередной задачей императрица поставила не допустить шведского рецидива на Балтике. П. А. фон дер Пален вслед за Густавом III выехал в Спа, куда король отправился для поправления здоровья. Из реляций Палена Екатерине II стало известно, в какое именно место выезжал король — Спа в рассматриваемый период называли Аахен, и из этого города фон дер Пален отсылал подробные реляции императрице и зашифрованные донесения в Коллегию иностранных дел на имя первоприсутствующего в коллегии

графа А. А. Безбородко. В донесении от 1 июля 1791 г., под № 3, Пален доложил Безбородко: «Прибыв сюда июня 24-го дня, имел я честь быть представлен Королю Шведскому, который принял меня с отменным отличием, и в весьма живых выражениях проявлял благодарность свою за всемилостивейшее Ея Императорского Величества соизволение на употребления меня по французским делам. Унылость и печаль несчастных французов, погнанных из Отечества своего ради преданности их к законному их Государю столь велика, что сего изобразить не можно. Многие из оных ко мене адресовались и представляя о бедственном положении своего Отечества, спрашивали, не имею ли я повелений трудиться в пользу их несчастного Государя? Я отвечивал, что приехал сюда для поправления моего здоровья без всяких дел, и пользуюсь продолжением милостей Короля Шведского. Но что я уверен, что все Европейские Государя соболезнуют настоящему положению Французского Королевства»⁸.

Пален избрал тактику уклонения от прямых ответов на вопросы французских эмигрантов, обретавшихся при дворе Густава III, о целях его пребывания в Спа, но после бесед с самим королем сделал для себя важные выводы. В частности, о том, что Густава III всерьез беспокоила судьба этих французов — настолько, что он несколько раз переспрашивал Палена, действительно ли его государыня намерена оказывать им поддержку и не оставлять в беде. Более того, король крайне болезненно воспринимал любые новости из Парижа, связанные с набиранием оборотов революционной властью. Так, в постскриптуме шифрованного письма к Безбородко из Аахена от 29 июня (10 июля) под № 6 П. А. фон дер Пален добавил: «Отправляя уже нарочного, уведомлен я был чрез барона Таубе, присланного ко мне Королем, что Его Величество немедленно от посла своего из Парижа получил известие, якобы г-н Симолин по Высочайшему Ея Императорского Величества повелению должен стараться заключить торговый договор с Национальным Собранием с тем условием, чтобы сие Собрание вывело несколько кораблей против Англинского флота в Канал».

Такое вероятное развитие событий восприняли при дворе Густава III как вполне возможное прежде всего по той причине, что в первой половине 1791 г. из Лондона особенно громко звучали угрозы ввода королевского флота в Балтику, если Россия не завершит войну с Турцией. Поэтому намерение Екатерины II пойти через своего представителя в Париже И. М. Симолина на компромисс с Национальным Собранием шведы расценили как правдивое. Пален категорически опроверг эти слухи и заверил Таубе, что его государыня никогда не совершит подобную сделку и «просил барона Таубе, чтобы он Короля Государя своего успокоил и представил бы ему несходность, не вероподобие и даже не возможность такого поведения, что Королю слишком известны чувства Всемилолюбивейшей Государыни моей, чтобы возыметь он мог малейшее сомнение»⁹. В итоге в 1791 г. благодаря успешно выполненной П. А. фон дер Паленом миссии Россия и Швеция подписали оборонительный союзный договор¹⁰.

Гибель короля Людовика XVI и королевы Марии Антуанетты в январе 1793 г. усилили ненависть Павла Петровича к «французским извергам». После казни помазанников Божьих Екатерина II фактически безотказно предоставляла убежище французским роялистам и всем прибывшим в Россию эмигрантам находила место либо при дворе, либо «для свободного проживания» с предоставлением регулярных денежных выплат и пенсионов. Коротко об обстановке того периода поведал близкий к придворным кругам граф Федор Васильевич Ростопчин в приватном письме С. Р. Воронцову в Лондон: «У нас тут толчется множество французов, которые вмешиваются во все и обо всем хлопочут, подавая записки»¹¹.

Великий князь Павел Петрович, которому в 1791 г. исполнилось 37 лет, внимательно наблюдал за происходившими во Франции событиями, слышал разговоры французской аристократии, пытался разобраться в сложных перипетиях смены государственных устоев. Очевидцы замечали, что Павел становился все более задумчивым и часто открыто рассуждал о пользе и необходимости управлять государством железной рукой. Неординарное суждение о Великом князе высказал известный военный историк и теоретик, военный министр при императоре Александре II Дмитрий Алексеевич Милютин. По его убеждению, «великий князь глядел гораздо дальше, чем тогда полагали, и в тишине своего уединения готовил себя к будущему высокому призванию: следил внимательно за общим ходом дел, размышлял о важнейших вопросах государственных, обдумывал улучшения и перемены, которых требовало тогдашнее положение России. Он вступил на престол с твердым намерением исправить во всех отраслях управления вкравшиеся злоупотребления и недостатки и хотел дать государству отдохнуть и восстановить силы после разорительных войн»¹². Павел, несомненно, остается в российской и европейской истории фигурой сильной, яркой, противоречивой и окончательно еще не изученной.

В начале августа 1796 г. Екатерина II ранее обыкновенного выехала из Царского Села в столицу. Причиной тому стали особые обстоятельства: в Зимнем дворце готовились к встрече важного гостя, и Екатерина со свойственной ей щедростью намеревалась организовать это мероприятие на самом высоком уровне, с подобающими почестями. 14 (25) августа 1796 г. в столицу Российской империи прибыл молодой шведский король Густав IV. На пути следования из Стокгольма до Петербурга его сопровождал родной дядя — герцог Карл Зюдерманландский; на время путешествия Густав IV именовался графом Гага, герцог Зюдерманландский — графом Ваза. В Зимнем дворце многочисленную свиту короля (не менее чем из 30 человек) встречали торжественным церемониалом, а вместе с высокопоставленными российскими военными и гражданскими чинами находился шведский посланник при дворе Екатерины II Людвиг фон Штединг.

Людвиг фон Штединг — личность весьма колоритная — происходил из семьи потомственных военных. Его отец в звании майора состоял на службе

у шведского короля, а дед по материнской линии — прусский фельдмаршал Курт фон Шверин, честно и преданно служил Фридриху Великому и храбро сражался с россиянами и австрийцами в годы Семилетней войны. Сам же Людвиг фон Штединг начинал военную службу с 13 лет от роду в полку кронпринца Густава — будущего короля Густава III. Возмужав и набравшись опыта, он решил добровольно пересечь океан и поучаствовать в войне за независимость Северо-Американских колоний от Великобритании на стороне американцев. Впоследствии фон Штединг командовал бригадой в ходе войны Швеции с Россией в 1788–1790 гг., усердно служил королю, дослужился до генерал-лейтенанта и вообще был осыпан королевскими милостями и почестями.

После подписания мира в Вереле Людвиг фон Штединг уже в качестве шведского посланника прибыл в Санкт-Петербург и быстро сумел войти в доверие к Екатерине II, получив к ней доступ в качестве *persona grata*. На дипломатическом посту в России новый глава шведской миссии отличался расторопностью и чрезвычайной активностью в отношении порученной ему работы, а особенно живой интерес проявлял к главной базе Балтийского флота Кронштадту. По понятным причинам это вызывало раздражение у морского начальства, недоумевавшего, как ловкому шведу удалось убедить государыню позволить ему свободно посещать военные порты. Вот какое упоминание этого вопроса имеется в одном из июньских писем Главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала Петра Ивановича Пуцуина генерал-майору П. И. Турчанинову в 1791 г.: «Вчерашнего числа у принца Нассау обедал на яхте шведский министр Штетин. С ним был Аркадий Иванович Морков, князь Юсупов и прочие. Господин Нассау объявил мне Высочайшее Ея Императорского Величества соизволение, что шведскому министру позволено видеть корабельный и гребной флот, равно и Кронштадт, почему он быв здесь, видел Канал и прочее строение, любопытно смотрел на все укрепления, только земляного вала и загородных батарей он не видел, да и в морских крепостях не был, а с наружи видел.

Теперь, Милостивый Государь, прошу меня вразумить, что сие значит? Мы приготавлием сильные укрепления, как то блокгаузы, батареи, канонерские лодки и прочие суда. На них употребляем разного звания людей не меньше двадцати тысяч, кроме корабельного флота. Все оное по мнению моему только для той нации, кому чрез сии показания открываем все наши намерения. Я не охотно принимаю в Кронштадте иностранных, ежели б не было на рейде собрания обоих наших флотов»¹³.

Стоит добавить, что Людвиг фон Штединга глубоко уважали не только Екатерина II, но и императоры Павел и Александр I, в царствование которых он оставался послом Швеции в России. Павел даже наградил Штединга российскими орденами Святого апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и Святой Анны I степени¹⁴. При дворе Великой Екатерины не успели забыть и герцога Карла Зюдерманладского, который в бытность свою главнокомандующим королевским флотом воевал с россиянами. Прошло всего

шесть лет после того, как отгремели пушки в сражениях со шведами в войне 1788–1790 гг., из которой Швеция, в ее понимании, вышла если не окончательно победившей Россию, то по крайней мере не побежденной ею и не ущемленной территориально и финансово. Шведы спасли свой флот вместе с личным составом, сохранили его материальное и тыловое обеспечение, а также главную базу Карлскруну и крупный порт Гётеборг¹⁵.

Итак, какой же повод побудил 18-летнего Густава IV в августе 1796 г. прибыть в Петербург? Екатерина II приходилась двоюродной сестрой королю Густаву III — отцу Густава IV, а теперь задумала обручить юного короля (своего племянника) с 13-летней великой княжной Александрой Павловной — старшей дочерью Павла Петровича и Марии Федоровны. Екатерина желала этого брака и надеялась, что ее внучка и двоюродный племянник навсегда скрепят свой союз брачными узами, упрочат обе династии, вернут царствующие дома в лоно родства и окончательно примирят Россию и Швецию.

С 1793 г. в Стокгольме по особому поручению Екатерины II находился военный губернатор Санкт-Петербурга генерал-майор А. Я. Будберг. В королевском дворце Дроттнингхольм он проводил важные переговоры о бракосочетании Густава IV и Александры Павловны, и по этому поводу близкий к придворным кругам граф Ф. В. Ростопчин в приватном письме С. Р. Воронцову высказывался прямо и откровенно: «Императрица занята этим до чрезвычайности, ее самолюбие сильно затрунуто, она не может постигнуть, чтобы какой-нибудь герцог Зюдерманландский смел противиться ее воле. Будберг имеет негласное поручение. Он располагает значительными суммами, но как партия короля ничтожна, а регент крайне раздражен против императрицы, то следует ожидать, что прибавят лишь новые неловкости»¹⁶. Ф. В. Ростопчин оказался проницателен: «неловкости» действительно вскоре возникли, но, думается, и он не мог предвидеть, какими последствиями они обернутся для императрицы.

По словам Ростопчина, приезда молодого короля и Карла Зюдерманландского ко двору «добились посредством денег», причем Ростопчин даже называл сумму, которую Екатерина заплатила им за «улаживание брачного дела» и за визит в Россию — два миллиона рублей. В целом королевские особы произвели на Ростопчина неприятное впечатление, и он охарактеризовал их в весьма нелестных выражениях: «Шведы не внушают к себе уважения и симпатии. Король очень статен, среднего роста, рыжий, с выражением лица весьма резким по причине больших глаз цвета головы, но глаза эти выражают одно хладнокровие. Он страстен к военному делу и готов подражать Карлу XII. С тех пор, как он здесь, ни разу не видели, чтобы он улыбнулся. В дяде его что-то шарлатанское. Он имеет приемы шутовские, и от этого у него вид старого плута»¹⁷.

День обручения назначили на понедельник 11 (22) сентября 1796 г., а пока графу Гаге оказывали великолепные приемы, в его честь устраивали роскошные балы и празднества с фейерверками и маскарадами и, судя по записям в Камер-фурьерском придворном церемониальном журнале, ужин королю

подавали на золотых блюдах. 11 сентября к семи часам пополудни приглашенные на церемонию обручения гости собрались в Тронном зале Зимнего дворца. Двор и иностранные дипломаты во всем блеске и великолепии ждали короля. Великая княжна Александра была прекрасна, императрица восседала на троне и пребывала в приподнятом настроении; все с нетерпением ожидали короля. Однако время шло, Густав не появлялся, и по прошествии получаса Екатерина всерьез разволновалась. Еще через несколько томительных минут ожидания в зал вошел взволнованный и смущенный А. И. Морков (бывший полномочный министр в Стокгольме) и, дрожа всем телом, едва смог вымолвить перед государыней: «Король не придет». Екатерина пролепетала что-то невнятное, камердинер Зотов подбежал к ней со стаканом воды, она попила, подошла к Моркову и дважды с силой ударила его тростью. Граф А. А. Безбородко бросился между ними, но Екатерина оттолкнула его, а потом, обессиленная, вернулась на место¹⁸.

Произошло совершенно непредвиденное. Год назад в помощь пребывавшему в Стокгольме генералу А. Я. Будбергу Екатерина направляла А. И. Моркова. После достигнутых договоренностей обе стороны, как и полагалось, составили брачный договор, и несовершеннолетний король дал согласие на то, что Александра Павловна не будет изменять вероисповедание и останется в православии. Но А. И. Морков совершил тогда роковую ошибку, которой и воспользовался Густав IV, уже будучи в Петербурге: король не подписал договор, а лишь прочитал его и устно подтвердил свое согласие на оставление великой княжны в православии. Морков принял словесное заверение короля и оставил бумагу не подписанной. Как мог дипломат со стажем допустить такую оплошность — современники не понимали, но именно этот пункт стал причиной несостоявшейся помолвки. Между балами и весельем Екатерина II неоднократно обращалась к племяннику с настоятельной просьбой подписать договор, но Густав всякий раз уклонялся от этого. А если Екатерина уже в категоричной форме требовала от него письменных гарантий соблюдения брачного соглашения, то Густав упорно отказывался ставить свою подпись — вплоть до того, что демонстративно уходил в отведенные ему покои и запирался на ключ. В ответственный и важный день 11 (22) сентября он не явился на помолвку и просил передать императрице, что отказывается обручаться с великой княжной по той причине, что будущая королева Швеции не может оставаться в православной вере.

Екатерина II была возмущена и подавлена: помимо нанесенного ей личного оскорбления, она восприняла поступок молодого короля как оскорбление всей России — великой державы, победительницы могущественной Османской империи, да еще в присутствии иностранных послов. Очевидцы говорили, что именно этот вопиющий случай настолько пагубно подействовал на государыню, что самым неблагоприятным образом отразился на ее здоровье. Самолюбие Екатерины сильно страдало и от того, что она с большой любовью и дове-

рием принимала своего двоюродного племянника и оказывала ему множество милостей. За время пребывания Густава в Петербурге Екатерина старалась упреждать даже малейшие его прихоти и создавала ему комфортную обстановку. Подарки сыпались как из рога изобилия, чередой следовали развлечения, но за щедрое гостеприимство российской императрицы Густав — впрочем, так же как в свое время его покойный отец — отплатил пренебрежением и жестокой неблагодарностью. Екатерина II откровенно признавалась, что ночь с 27 на 28 июня 1762 г., когда решалась ее судьба (российский престол или заточение в монастырь), оказалась ничтожной по сравнению с той, которую она провела вследствие поступка молодого короля.

20 сентября императрица и двор отмечали день рождения сына Екатерины Павла Петровича. Густав IV появился на балу, но с ним обращались холодно и сдержанно, а через день он навсегда покинул Петербург. По прошествии года король женился на принцессе Фридерике Баденской — родной сестре великой княгини Елизаветы Алексеевны, жены великого князя Александра Павловича (будущего императора Александра I). Дочь Павла великая княжна Александра Павловна в 1799 г. вышла замуж за наследника австрийского престола эрцгерцога Иосифа и приняла официальный титул — Палатина Венгерская. Через два года она скончалась в Вене от послеродовой горячки.

После несостоявшейся помолвки внучки Екатерина II смогла пережить тяжелое испытание, уготованное ей судьбой, и нашла в себе силы продолжать заниматься государственными делами. Она лишь ограничила посещение увеселительных мероприятий и вечерами рано уходила в свои покои. По наблюдениям очевидцев, временами казалось, что государыня забыла о сентябрьском происшествии, успокоилась и оправилась от нервного и морального потрясения. День 5 ноября 1796 г. в Зимнем дворце ничем не отличался от предыдущих — Екатерина, по обыкновению, встала рано и приступила к работе. В 7 часов утра подали кофе, который она пила в кабинете, затем пошла в гардеробную, откуда долго не выходила. Встревоженные приближенные решились войти к императрице и обнаружили ее в гардеробной, «лежавшей без чувств и с хрипотой. Все подаваемые медицинские пособия оказались безуспешны, ей ни разу не стало лучше, и агония продолжалась почти сутки». По воспоминаниям графини Веры Николаевны Головиной, государыня так и не пришла в сознание. Она лежала на полу «без чувств, на матраце, огороженная ширмой. Комната была еле освещена. Екатерину окружали лишь Протасова, первая камер-фрейлина, и Алексеева, одна из первых камер-юнгфрау. Их рыдания смешивались со страшным хрипением императрицы. Примчавшиеся из Гатчины Павел и Мария Федоровна водворились в апартаментах императрицы. Будущий император устроился в кабинете, прилежавшем к спальне его матери, так что все те, кому он отдавал приказания, проходили, направляясь в кабинет и обратно, мимо императрицы, еще продолжавшей дышать». 6 ноября в три часа утра в покои великой княгини Елизаветы Алексеевны вошли ее супруг Александр с братом Константином,

одетые в форму гатчинских полков, состоявших под командованием Павла. Екатерина запретила носить в столице такие мундиры, не желая, как она говорила, «чтобы ее внуки брали уроки прусского капрализма. Елизавета расплакалась: она поняла, что надежды на сохранение жизни государыни не осталось совсем. Новый император заставил встать семью на колени, чтобы поцеловать его руку»¹⁹.

Придворный лейб-медик И. С. Рожерсон причиной смерти Екатерины II объявил «удар в голову», как в то время называли апоплексический удар, однако приводимые очевидцами симптомы свидетельствовали скорее в пользу сильной интоксикации организма — возможно, из-за отравления после выпитого кофе. В кулуарах дворца говорили, что вследствие поступка шведского короля у государыни случилось нервное потрясение, однако после того действительно тяжелого для нее испытания прошло полтора месяца, в течение которого ухудшения состояния ее здоровья не наблюдалось. Поэтому выдвигалась и другая версия — отравления Екатерины в результате сговора французов и поляков.

Кроме графини В. Н. Головиной, воспоминания о трагических сутках 5 и 6 ноября 1796 г. оставил и Федор Васильевич Ростопчин. Он повествовал: «Дворец был наполнен людьми всякого звания. Все с трепетом ожидали окончания долговременного царствования для вступления в другое, совсем новое. По приезде Наследника всякий, кто хотел, подвигнутый жалостью или любопытством, входил в ту комнату, где лежало едва дышащее тело Императрицы. Наследник пошел на половину Императрицы. Проходя сквозь комнаты, наполненные людьми, ожидающими восшествия его на престол, он оказывал всем вид ласковый и учтивый. Прием, ему сделанный, был уже в лице Государя, а не Наследника».

Ф. В. Ростопчин не обошел вниманием и Александра Андреевича Безбородко, которого Екатерина особенно ценила и жаловала за заслуги, таланты и ревностную службу на благо России. По словам Ростопчина, Безбородко свыше 30 часов не покидал дворца. «Он был в отчаянии: неизвестность судьбы, страх, что он под гневом нового Государя, и живое воспоминание благодеяний умирающей Императрицы наполняли его глаза слезами, а сердце горестью и ужасом. Раза два он говорил мне, что надеется на мою дружбу, что он стар, болен, имеет 250 тысяч рублей дохода и единой просит милости: быть отставленным от службы без посрамления... Вошедши к Наследнику, я нашел удобным описать отчаяние графа Безбородко. Тут я получил повеление уверить графа Безбородко, что Наследник, не имея никакого особенного против него недовольствия, просит его забыть все прошедшее, и что считает на его усердие, зная дарования его и способность к делам»²⁰.

Историк Н. К. Шильдер приводит факт, который, как он полагал, заслуживал доверия. Сразу после кончины Екатерины Павел вызвал графа Безбородко и попросил его помочь разобрать бумаги матери. Во время этого занятия они нашли пакет, перевязанный черной лентой, — то была последняя воля Екатери-

ны II: Манифест о передаче престола великому князю Александру, минуя Павла Петровича. Прочитав бумагу, Павел вопросительно посмотрел на Безбородко, и тот молча, выразительным взглядом, указал на топившийся камин. Манифест Великой Екатерины бесследно исчез. Шильдер особенно подчеркнул: вовсе не исключено, что сожжение предполагаемого завещания Екатерины II — это всего лишь легенда. Однако в скрижалях истории достоверным остался факт: Безбородко с присущей ему блестящей манерой быстро и безукоризненно составлять предварительные тексты документов, заготовил указ о восшествии на престол императора Павла I. Павел после такой жизненно важной для него услуги сразу после коронации возвел Безбородко в княжеское достоинство с присвоением титула светлости, а в дополнение подарил 10 тыс. душ крепостных в Орловской губернии и 30 тыс. десятин плодородных земель в Воронежской губернии. Вскоре Безбородко стал канцлером Российской империи.

Статс-секретарь Екатерины II А. М. Грибовский (с 1795 по 1796 г.) опубликовал данные касательно общего состояния Безбородко, которые, однако, сложно проверить. По убеждению А. М. Грибовского, «перед кончиной государыни Безбородко имел крестьян уже 16 000 душ, соляные озера в Крыму и рыбные ловли в Каспийском море. К сему император Павел прибавил в Орловской губернии город Дмитриев». В торжественные праздники Безбородко приезжал ко двору в великолепной позолоченной карете с восемью стеклами, «имея на себе Андреевскую звезду, погон для ленты, пуговицы на кафтане, эфес на шпаге и пряжки башмачьи все из бриллиантов, не упоминая о драгоценных вещах, в ящиках у него лежавших, и которых необыкновенная цена изумляла видевших их... В летнее время на даче его бывали большие пирушки, часто с пущенною пальбою»²¹.

В заключение необходимо подчеркнуть, что восхождение императора Павла на российский престол происходило при стечении ряда неординарных факторов — как внешних, так и внутривосточного характера, что не могло не сказаться на последующей его деятельности. Безусловно, в области военно-морских дел и начинаний нового императора большое значение имело устойчивое боевое ядро личного состава флота, закаленного в боевых операциях в царствование Екатерины II, а также государственных лиц империи, ставших опорой новому монарху.

¹ Подробнее о Персидском походе под начальством В. А. Зубова и о поддержке морскими силами России короля Великобритании в 1795 г. см: *Гребенищикова Г. А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. 3. Ч. 3. СПб., 2023.

² Петр I. Устав — О наследии престола // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Т. VI. СПб., 1830. № 3893.

- ³ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 32–34, 273–274.
- ⁴ Memoires de la Comtesse Edling (Nee Stourdzia). Demoiselle D'Honneur De Sa Majeste L'Imperatrice Elisabeth Alexeevna. Moscou, 1888. P. 35–36.
- ⁵ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 228.
- ⁶ Шумигорский Е. С. Павел I. СПб., 1899. С. 91.
- ⁷ Там же. С. 63–67.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 96. Сношения России со Швецией. Оп. 96/6. Д. 790. 1791 год. Л. 4–7, 28 об. – 30.
- ⁹ Там же. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 790. 1791 год. Л. 28 об. – 30.
- ¹⁰ Там же. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 778. Л. 1–4, 8 об., 16–21, 26 об., 29, 34–36, 38 – 38 об., 41 – 45 об., 55; Д. 785. Л. 3, 15–16.
- ¹¹ Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 221.
- ¹² Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. 1. СПб., 1851. С. 12.
- ¹³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 21. Оп. 1. Д. 94. Л. 13–14.
- ¹⁴ Göran N. Curt von Stedingk (v Steding) // Svenskt biografiskt lexicon. 2007–2011. В. 33. S. 181.
- ¹⁵ См., например: Artéus G. Gustav III: s ryska krig. Stockholm, 1992.
- ¹⁶ Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 400–401. Регент – герцог Зюдерманландский.
- ¹⁷ Там же. С. 404–405.
- ¹⁸ Приведенный факт не отражен в печатном варианте камер-фурьерского придворного церемониального журнала, где дню 11 сентября 1796 г. посвящено всего два-три предложения. Но авторы начала XX в. и очевидцы, оставившие мемуары, излагают этот важный факт примерно одинаково, без особенных расхождений. Например: Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 269; Записка Ф.В. Ростопчина о несостоявшемся обручении Великой княжны Александры Павловны с королем Шведским // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 408–409; Мачон III. Секретные записки о России и, в частности, о конце царствования Екатерины II и правлении Павла I. М., 1918. С. 25–29.
- ¹⁹ Из воспоминаний графини В. Н. Головиной // Русская старина. 1896. Т. 88. № 9–12. С. 473–476.
- ²⁰ Архив князя Воронцова. Кн. 8. М., 1876. С. 164–165.
- ²¹ Грибовский А. М. Записки о Екатерине Великой. М., 1847. С. 69–72.

References

GREBENSHCHIKOVA G. *Rossiyskii flot i diplomatiia Ekateriny II. Tom III* [Russian Fleet and Katherine the Second diplomacy. Vol. III. In Russ.]. Saint Petersburg: Ostrov, 2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Г. А. Гребенщикова. Император Павел: к вопросу о формировании взглядов и восхождении на престол. К 270-летию со дня рождения (1754–1801) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4. С. 31–43

Аннотация: В статье с привлечением новых источников и редкой литературы рассматриваются важные события в жизни Российской империи в последний год царствования Екатерины II и переходе власти к императору Павлу. Изложены взгляды известных историков на личность Павла, на факторы, повлиявшие на формирование его мировоззрения как высшего лица в государстве и на его последующую деятельность. Подчеркивается значение сподвижников Екатерины II для нового императора на начальном этапе его пребывания на престоле, а также роль Франции и Швеции в формировании внешнеполитического курса России конца XVIII в.

Ключевые слова: завершение правления Екатерины II, внутриполитическая обстановка в России, особенности характера Павла I, занятие престола, Франция и Швеция в истории России.

FOR CITATION

G. A. Grebenschikova. Emperor Pavel: on the issue of forming views and ascension to the throne. To the 270th anniversary of his birth (1754–1801) // Petersburg historical journal, no. 4, 2024, pp. 31–43

Abstract: The article employs new sources and rare literature to examine significant events in the Russian Empire during the final year of Catherine II's reign and the subsequent transfer of power to Emperor Paul. The article presents the views of renowned historians on the personality of Paul, the factors that shaped his worldview as the highest authority in the state, and his subsequent actions. The article underscores the significance of Catherine II's associates for the new emperor during the inaugural phase of his tenure on the throne. Additionally, it highlights the role of France and Sweden in influencing Russia's foreign policy trajectory towards the end of the 18th century.

Key words: The end of the reign of Catherine II, the internal political situation in Russia, the character traits of Paul I, the occupation of the throne, France and Sweden in the history of Russia.

Автор: Гребенщикова, Галина Александровна — д.и.н., академик РАН, профессор Санкт-Петербургского морского технического университета (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Grebenschikova, Galina Alexandrovna — Dr. of Sciences in History, academic of Russian Natural Sciences Academy, Professor of St. Petersburg State Maritime Technical University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: galina_gre@bk.ru